

Москва
Театр "Около дома Станиславского"

Экран и сцена. 2000-
февр. (МЧ).
с. 6

В одном из своих немногочисленных интервью Юрий Погребничко сказал: «Театр — это такая смесь! И все в нем случайно». Смесь. Пожалуй, именно это слово как нельзя лучше характеризует его собственную лагуну на улице Станкевича, около дома Станиславского. Смесь реального и фантастического, трагического и комического, тоски и иронии, предельно ясного и таинственного.

Театр «Около дома Станиславского» — театр тихий и добрый. Замкнутый, но в своей замкнутости очень подвижный, сохранивший атмосферу студийности в ее непрекращающейся динамике. Спектакли, поставленные на сцене театра «Около», оставляют чувство мастерской незавершенности, недосказанности. Знакомые, ставшие уже каноническими, произведения Чехова, Гоголя, Вампилова — лишь рамка, основа для импровизации режиссера и актеров. Оттого и создается у зрителя ощущение экспромта, представления, творящегося сей же час на его глазах. К известным текстам подходят по-новому, их пережевывают, смакуют. Главное — нащупать и выхватить суть произве-

Мастерская экспромтов

дения, отыскать некое основное звено, быть может, отдельное понятие, идею и развить, соответственно ассоциациям, переживаниям, мыслям режиссера. Но недосказанность остается, давая свободу воображению зрителя, который волен прочесть текст по-своему. Не после, а теперь, в театре, он должен принять то, свидетелем чего он явился, полностью погрузиться в этот новый, порой, иррациональный мирок. Иначе он вызовет лишь раздражение и досаду, что зачастую и происходит.

Театр Ю. Погребничко называют театром абсурда. Это и понятно, учитывая то, что ирония, случайность, изобретательность — основные его особенности. Человек здесь абстрактен, внеисторичен и вечен, находится в постоянном поиске и не способен отыскать точку опоры. И все же, репертуар театра — по большей части — пьесы традиционные, не имеющие отношения к драматургии абсурда. Любопытна именно попытка найти в известном материале нечто новое, на первый взгляд, незаметное, находящееся в подтексте, между строк. Важна при этом не внешняя выразительность (хотя, забавных и неожиданных трюков предостаточно), но внутренняя работа, сосредоточенность актеров, творящих заведомо иное, противоположное реальности пространство, заселенное масками, марионетками, которые могут переноситься из одного спектакля в другой, цитировать друг друга и самих себя, создавая тем самым театр для посвященных, серию картинок.

Картинки сменяются в раме небольшой сцены, стен, обшитых железными листами. То яркие и красочные, то серые, печальные, они напоминают смену слайдов в диапроекторе. А если рука невидимого человека, стоящего за ним перепутает порядок слайдов, в «Молитве клоунов», спектакле, поставленном по мотивам чеховских произведений, Вершинин (Ю. Кантомиров) натянет зеленые перчатки и вкрадчиво сообщит Аркадиной (Л. Загорская), что видел вчера «слонопотам».

Просто в эту минуту он — Винни-Пух из «Вчера наступило внезапно», спектакля, основа которого — «Винни-Пух» А. Милна в переложении Б. Заходера. «Вчера наступило внезапно» — отражение английского понятия «нонсенс». Здесь возможно все, что угодно: слово превращается в зрительный образ, зрительный образ — в знак, который можно прочесть.

Это — набор узнаваемых английских реалий, от традиционного барометра до музыки «Битла», увиденных со стороны и иронически переосмысленных. Слайды могут повторяться, прокручиваться назад, тогда вы подолгу будете слушать песню про улицу Кэсе далье Монте («Молитва клоунов»), «У самовара я и моя Маша» («Русская тоска»), или наблюдать за тем, как «падает» барометр («Вчера наступило внезапно»). Так вас выведут из оцепенения, в которое вам посчастливилось власть, давая понять что все происходящее — лишь мастерская клоунада.

Внутри общезвестного текста всегда существует великое множество иных — в диалоги чеховских персонажей вдруг врываются сообщения о том, что творится в данный момент на сцене. Каждое появление Аркадиной (Л. Загорская) в «Чайке» — небольшое представление, каждый новый выход Н. Рожковой в «Русской тоске» — отдельный номер, его можно объявить, а можно и не объявлять. Действующие лица «Молитвы клоунов» периодически поднимаются на небольшую досчатую сцену, расположенную внутри основной, а перед ней ряды лавок, которые почти никогда не бывают пусты. Перед нами своего рода мастерша, разбирать ее можно бесконечно.

Каждый спектакль — поиск внутреннего смысла, но поиск в форме игры, баллана. Действие движет не столько развитием сюжета, сколько обыгрывание слов и смыслов, музыкальное, зрительное: персонажи Чехова расппевают казачьи песни, герои Милна, облачившись в шинели и бушлаты, вольно переводят на русский язык песни Леннона и Маккартни. Потому, что текст — только канва, ее можно расшить как угодно, главное — прилежно и терпеливо, прямо на глазах зрителя.

Светлана РЫБИНА